

Выскользнув через боковую дверь банкетного зала, Ли Шэнъянь оказался в саду. На усадьбу уже опустились сумерки, и здесь, среди деревьев, царила глубокая, умиротворяющая тишина.

Резкий порыв зимнего ветра ударил в лицо, и хмель мгновенно начал выветриваться. Медленно прогуливаясь по дорожкам, молодой человек мысленно посмеивался над собой: расскажи он коллегам, что чуть не свалился с ног всего после трёх бокалов, его бы на смех подняли. Пробираясь сквозь лабиринт аккуратно подстриженного кустарника, он заметил впереди мягкое серебристое свечение и мерцание воды. Посреди тёмного двора раскинулся бассейн — в ночной темноте его подсвеченная чаша казалась ярким, манящим оазисом.

Шэнъянь направился к воде, как вдруг тишину нарушил тихий, прерывистый всхлип. Плакала женщина. Сделав ещё несколько шагов, он замер. По телу пробежала дрожь, а сердце пропустило удар — этот голос показался до безумия, до невозможного знакомым.

«Неужели она? Но как такое возможно?»

Охваченный сомнениями, он прибавил шаг, ориентируясь на тихие рыдания. Вскоре у самой кромки бассейна, на шезлонге, Шэнъянь разглядел силуэт в белом платье. Женщина сидела спиной к нему, опустив голову на руки, и она мелко вздрагивала. В темноте лица было не разглядеть, но плач становился всё отчётливее.

«Это точно она! Ошибки быть не может!»

Пuls бешено застучал в висках. Забыв о приличиях, он бросился к ней.

— Юньи, это ты? — выдохнул он, едва не поскользнувшись на влажном кафельном бортике.

Вздрогнув от неожиданности, незнакомка испуганно вскинула голову и резко обернулась.

Оба на мгновение замерли, поражённые красотой друг друга. На девушку смотрел статный, благородного вида мужчина, на лице которого застыло выражение глубокой тревоги и боли. Шэнъянь же застыл перед незнакомкой, которая, будучи лишённой и капли косметики, поражала своей чистой, почти неземной красотой. Она казалась хрупкой и беззащитной, а из-за дрожащих на ресницах слёз выглядела ещё более уязвимой, вызывая мгновенное желание защитить и обогреть.

Она полусидела-полулежала на шезлонге. Изысканное, дорогое вечернее платье резко контрастировало с её растрёпанным видом, а в искусно уложенных иссиня-черных волосах тускло поблескивало изящное украшение. На вид ей было не больше двадцати двух лет: точёные черты лица, высокий чистый лоб, аккуратный разлёт бровей и огромные, влажные от слёз глаза. Её бледные, слегка посиневшие от холода губы мелко дрожали. Даже в скупом свете садовых фонарей её красота казалась неоспоримой, а при виде её беззащитных слёз сердце молодого человека сжалось от острой жалости.

Это была не Юньи. Разочарование уколом отозвалось в груди, но, глядя на продрогшую, заплаканную девушку, Шэнъань почувствовал искреннее сострадание.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — спросила она. После первой вспышки испуга её голос зазвучал удивительно спокойно — она интуитивно поняла, что этот человек не причинит ей вреда. Говорила она мягко и певуче, и даже лёгкая хрипота от долгого плача не портила этого чистого звучания.

— Простите ради бога, — поспешил извиниться Шэнъань. — Я один из гостей. Вышел в сад освежиться, заметил вас издали и... принял за одну старую знакомую. Извините, я обознался.

Девушка промолчала. Она лишь пристально, не мигая, всматривалась в его лицо. На мгновение Шэнъаню показалось, что она застыла, словно мраморное изваяние.

— Вы ведь тоже с приёма? На улице морозно, вам стоит вернуться в тепло, — мягко продолжил он. — На вас такое чудесное платье, да и причёска... Здесь слишком сыро и холодно, будет жаль испортить такую красоту.

— Подумаешь, платье... Мне до этого нет дела. А вы забавный, — она горько, тихо рассмеялась, и это вывело Шэнъаня из оцепенения. — Впервые вижу мужчину, который при встрече хвалит наряд и укладку, а не саму женщину.

— Ну... — Шэнъань замялся. Ему хотелось сделать комплимент её редкой красоте, но в присутствии незнакомки это могло прозвучать двусмысленно и пошло. Он окончательно растерялся и замолчал.

— Да ладно вам, вы ведь всё видели, — добавила она с глубокой грустью. — Мне просто очень паршиво на душе, вот и сбежала ото всех, чтобы пореветь в тишине. Мы поссорились с братом. Он... он с самого детства меня терпеть не может. А ведь мне сегодня исполнилось двадцать два.

— Двадцать два? День рождения? — поразился Шэнъань и тут же догадался: — Так вы и есть виновница торжества? Вы — Лу Чжаньлань? А ваш брат тогда...

Заметив неподдельное изумление на его лице, девушка смахнула слезу с ресниц и невольно улыбнулась:

— Начинаю сомневаться, приглашали ли вас вообще. Ладно меня не знать, но как можно не знать моего брата? Его зовут Лу Чжаньбай.

— Лу Чжаньбай? Ваш брат? — Шэнъань лишился дара речи.

В голове не укладывалось, как у этого самовлюблённого наглеца может быть столь утончённая,

чистая сестра. Нет, фамильное сходство угадывалось — черты лица имели общие гармоничные контуры. Но если физиономия Чжаньбая вызывала лишь глухое раздражение и желание съездить по ней кулаком, то Чжаньлань будила самые светлые и нежные чувства. И этот паршивец ещё смеет ненавидеть её с самого детства? Иметь такую сестру и относиться к ней с пренебрежением — верх глупости и чёрствости.

— Вы правда с ним не знакомы? — Наблюдая за бурной мимикой собеседника, Чжаньлань на миг позабыла о своих обидах. — Впрочем, неважно. Вы мою тайну раскрыли, а сами так и не представились.

— Простите мою неловкость, — улыбнулся он. — Меня зовут Ли Шэнъань. С вашим братом мы знакомы, хотя близкими друзьями нас точно не назовёшь. Тем не менее, пригласил меня именно он.

— Ли Шэнъань... — повторила девушка, и она слегка улыбнулась. — Рада знакомству. Но мой брат жуткий зануда и сноб. Если вы едва знакомы, с чего бы ему звать вас на мой праздник?

Она произнесла «брат» с такой нежностью и детским простодушием, что Шэнъань сразу понял: несмотря на размолвки, она искренне любит Чжаньбая. Должно быть, именно его холодность и ранила её глубже всего.

— Ну... — Шэнъань замялся, не зная, как потактичнее объяснить истинную причину. — Вообще-то, он звал меня обсудить некоторые деловые вопросы.

— Деловые вопросы? — Чжаньлань искренне рассмеялась. — Мой брат и дела? Это что-то новое! Но я всё равно рада, что мы встретились. Вы удивительно красивы. Даже привлекательнее Чжаньбая... Пожалуй, самый благородный мужчина, которого я видела.

Подобные восторги молодому человеку доводилось выслушивать не раз, но именно сейчас он почувствовал, как к щекам прилила жаркая краска. Давненько он не смущался от простых комплиментов.

— Надо же, вы покраснели! — весело воскликнула она. — Раз уж сегодня мой день рождения, с вас причитается подарок. Вы ведь не оставите именинницу с пустыми руками?

— Подарок? Ах да, конечно! — Шэнъань хлопнул себя по карману куртки, но на полпути его рука замерла.

— Что-то не так? — заметив его нерешительность, поинтересовалась девушка.

— Боюсь, мой презент покажется вам слишком скромным, — неловко улыбнулся он.

— А вы покажите! — заупрямилась Чжаньлань.

Делать было нечего. Шэнъань достал из кармана небольшую, уместающуюся на ладони коробочку в изящной шёлковой обёртке.

— И что там? — Чжаньлань с любопытством вытянула шею.

— Посмотрите сами, — улыбнулся он, протягивая коробочку.

Она бережно приподняла крышку. На мягкой подложке покоилась крошечная, высотой всего в пару вершков, фигурка из благородного сандала. Работа была тончайшей, почти ювелирной: резчик запечатлел стройного мужчину в классической позе уданского кулака «Белый журавль расправляет крылья». Силуэт — подтянутый, высокий — удивительным образом напоминал самого Шэнъаня. Каждая складка одежды, мельчайшие детали узора и грациозный изгиб тела были проработаны с безупречной точностью. Лишь лицо оставалось едва намеченным, полуразмытым, но даже в этих скупых штрихах сквозило удивительное величие и безмятежное спокойствие.

Маленькая статуэтка грела ладонь, источая тонкий, сладковатый аромат сандала. Девушка заворожённо разглядывала её, не в силах отвести взгляд.

— Это моя собственная работа, безделушка, — тихо произнёс он, опасаясь её разочарования. — Ваш брат не потрудился объяснить, в чью честь приём, поэтому я шёл наугад и взял вещь, в которую вложил частицу души. Если не нравится, обещаю подарить вам что-нибудь лучше при первой же возможности.

— Что вы, она прекрасна! — испугавшись, что он заберёт подарок обратно, Чжаньлань крепко сжала фигурку в ладони. — Это вы сами? Почему только лица почти не видно?

— Да, я резал с себя, — улыбнулся Шэнъань. — Лица я обычно не прорабатываю. Излишний реализм портит мистическое очарование образа, лишает его недосказанности.

— Какая жаль, у вас ведь такое красивое лицо, — лукаво прищурилась она. — Знаете, это лучший подарок из всех, что мне сегодня преподнесли. Спасибо вам огромное. Могу я звать вас просто Шэнъанем? Будем друзьями? Но с одним условием: когда-нибудь вы всё же вырежете для меня свой портрет с полной точностью.

— Разумеется... — Шэнъань вновь почувствовал себя неловким юнцом, у которого все нужные слова вылетают из головы в самый неподходящий момент.

— Ой! — внезапный тихий вскрик девушки прервал его замешательство.

— Что случилось, Чжаньлань? — встревожился он, мгновенно позабыв о формальностях.

— Зови меня просто Чжаньлань, мы же договорились, — преодолевая боль, улыбнулась она. —

Кажется, я слишком долго просидела на корточках. Ноги совсем затекли, не могу подняться.

— Позвольте помочь, — с мягкой улыбкой Шэнъань протянул ей руку, демонстрируя безупречные манеры.

Она посмотрела ему в глаза и на секунду замешкалась.

— Мы ведь друзья, верно? — подбодрил её молодой человек.

Доверчиво вложив свою ладонь в его руку, Чжаньлань медленно поднялась на ноги.

— Чжаньлань, сколько же ты здесь пробыла? У тебя пальцы ледяные, и вся ты дрожишь от холода, — с искренней тревогой проговорил он. Быстрым движением он скинул пиджак и накинул ей на плечи. — Пойдём в дом, иначе ты не на шутку разболеешься.

Девушка неосознанно сильнее сжала его тёплую ладонь. Сердце Шэнъаня пропустило удар, но он не стал высвобождать руку.

Они повернулись и направились к ярко освещённым дверям особняка.

— Шэнъань! Какого хера ты творишь?! — яростный, бешеный рёв разорвал ночную тишину. Голос принадлежал человеку, доведённому до крайней степени ярости.

Вскинув голову, Шэнъань увидел на противоположном краю бассейна Лу Чжаньбая. Облачённый в безупречный белоснежный костюм, тот тяжело дышал; его глаза налились кровью, а сам он выглядел крайне угрожающе.

Поняв, как двусмысленно они выглядят со стороны, молодые люди торопливо разомкнули пальцы. Но было поздно: взбешённый Чжаньбай уже мчался к ним, не разбирая дороги.

— Осторожно! — в один голос крикнули Шэнъань и Чжаньлань.

Предупреждение запоздало.

Раздался оглушительный всплеск. Поскользнувшись на мокрой плитке всего в паре шагов от них, Чжаньбай нелепо взмахнул руками и с шумом рухнул прямо в ледяную воду бассейна.

— Брат! — испуганно закричала Чжаньлань.

На её крик из темноты мгновенно высыпали телохранители, слаженно и быстро стягиваясь к месту происшествия.

Шэнъань едва сдерживал смех. Он на секунду задумался, не стоит ли прыгнуть следом и вытащить бедолагу, но тут же отбросил эту мысль: зимняя вода была ледяной, к тому же парень наверняка умел плавать.

— Молодой господин! Господин Лу! — засуетились на бортике охранники, сиюминутно разглядеть шефа в бурлящей воде.

Через пару секунд мокрая голова Чжаньбаю показалась на поверхности у самого края бассейна. Отплываваясь от воды, он вцепился в бортик и уставился на Шэнъаня яростным взглядом. Выглядело это настолько нелепо, что прокурор едва не прыснул.

— Брат, ты цел? — Чжаньлань бросилась к выбиравшемуся на сушу Чжаньбаю и попыталась взять его за руку. — Боже, у тебя кровь! Ты поранился! — испуганно вскрикнула она, словно пострадала сама.

— Отвали, всё нормально! — грубо отмахнулся он, содрогаясь от озноба. Обернувшись к подоспевшим охранникам, он процедил сквозь зубы: — Уведите сестру в дом. Немедленно.

— Будет исполнено, — секьюрити тут же выстроились живой стеной между Шэнъанем и Чжаньлань, пресекая любые попытки сближения.

Девушка растерянно переводила взгляд с гостя на брата. На её губах застыли невысказанные слова оправдания. Аккуратно сняв с плеч мужской пиджак, она вернула его Шэнъаню и, бросив на него полный сожаления взгляд, послушно пошла к усадьбе в сопровождении охраны.

Шэнъань почувствовал лёгкий укол совести — не стоило так откровенно радоваться чужому несчастью. Однако мимолётное сочувствие испарилось без следа, стоило мокрому до нитки Чжаньбаю открыть рот.

— Да ты совсем охренел! — затрясся от злости Чжаньбай, ткнув пальцем в сторону Шэнъаня. Вода ручьями стекала с его дорогого костюма. — Решил приударить за моей сестрой?! Думаешь, нашёл себе лазейку в высшее общество, ублюдок? Я таких, как ты, насквозь вижу! Запомни раз и навсегда: всё, чего ты так жаждешь, ты получишь только из моих рук, как милостыню. Посмеешь ещё раз приблизиться к Чжаньлань — я из тебя душу вытрясу, понял?!

«Ну и ничтожество». Шэнъань лишь покачал головой. Уровень инфантильности и заносчивости этого парня переходил все границы. Присутствие на этом вечере становилось невыносимым — вести диалог с подобным субъектом было ниже его достоинства.

Игнорируя чужую истерику, прокурор молча развернулся, намереваясь покинуть усадьбу. Ему не хотелось опускаться до банальной драки, хотя кулаки чесались неимоверно.

— Что, правда глаза колет? Бежишь поджав хвост? — донёсся сзади издевательский, но уже

более спокойный голос. — Если пришёл сюда ползать на брюхе, к чему строить из себя святошу? Моё предложение в силе: соглашайся на мои условия, и контракт твой. Более того, я обеспечу «Динсинь» заказами на годы вперёд!

Шэнъань процедил сквозь зубы глухой смешок. Контракт принадлежал его компании по праву, и лишь глупые капризы молодого наследника поставили сделку под удар. Наглая тирада Чжаньбая зацепила его за живое. Что ж, пришло время расставить точки над «и». Если всё это — глупый розыгрыш, он закроет на это глаза. Но если избалованный барчук действительно возомнил себя вершителем судеб, Шэнъань готов преподнести ему незабываемый урок.

— Чего конкретно ты от меня хочешь? — Шэнъань резко остановился и в упор посмотрел на промокшего оппонента.

— Скоро узнаешь, не торопи события, — Чжаньбай сухо и неприятно усмехнулся. — Иди в зал. Сейчас начнётся официальная часть, и мне недосуг тратить на тебя время. Как только закончим с поздравлениями, я сам тебя найду.

Бросив напоследок пренебрежительный взгляд, Чжаньбай отпихнул протянутое телохранителем сухое полотенце и быстрыми шагами направился в сторону чёрного входа.

<http://bllate.org/book/18227/1752057>